

Данута Будняк

УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Одним из вопросов, требующих изучения, является вопрос о заимствованных словах. Нет языков, в которых не было бы заимствованных слов, потому что нет народов, которые в своей истории не соприкасались бы с другими народами. В процессе международных связей идёт обогащение словаря одних языков за счёт других.

Однако вопрос о тех или иных заимствованиях в истории языка не всегда является легко разрешимым. Мы хорошо различаем те из них, которые попали в язык в позднейшие эпохи; но внешние общественные связи существовали во все эпохи, вплоть до исторически самых глубоких, и в ряде случаев возникают трудности при выяснении вопроса о происхождении какого-либо слова в том или ином языке. К числу таких "заимствующих" языков в ряде случаев относятся славянские языки, но эти расцениваются не всегда одинаково. Украинский язык, например, совершенно произвольно наделяется целым рядом полонизмов.

В настоящее время при внимательном изучении "сущности специфики языков" следует более внимательно относиться как в общеславянскому основному словарному фонду, так и к основному словарному фонду каждого отдельного славянского языка. В предлагаемой статье мы подвергаем анализу несколько таких якобы заимствованных слов.

Каждое слово представляет собой единое целое семантического содержания и звуковой формы; и следы исторического прошлого могут одинаково сохраняться как на той, так и на другой его стороне. При рассмотрении словарного материала не может быть одной и той же мерки для всех случаев. При анализе одних случаев фонетические закономерности и соответствия того или иного языка или языков дают настолько точные и убедительные показания, что

выступают на первый план; в других случаях существенное значение имеет опора на исторические нормы развития семантики при понимании жизни языка. Во всяком случае ни той, ни другой стороной нельзя пренебрегать, и каждое слово должно быть проанализировано и со звуковой и со смысловой своей стороны.

Для разрешения вопроса об исторической связи между украинским х в и л я и польским *chwila* имеет существенное значение тот факт, что польский литературный язык освоил наличное в этом слове сочетание *chw* не ранее XVI века, а в польских диалектах и поныне широко распространена различная его знамена (ср. *fila, kwila, fała, kfała, kfoliś, zukfały, kwaliś* и тп.)¹.

Славянских слов с сочетанием *chw* в общем немного; их можно было бы просмотреть все без особого труда, но всё же мы вынуждены ограничиться лишь наиболее широко распространёнными из них. Это послужит предметом особого рассмотрения; остановимся вкратце на *chwała* и *chwalić*, сверх которых, впрочем, занимающих значительное место в польском словаре слов с сочетанием *chw* и нет. *Chwała*: с его производными с самого начала польской письменности и ещё в течение всего XV века даёт *fała, falić, falebny, ufała* и тп.² Сохраняются и поныне *Falęcice, Fałkowski* и тп. географические названия и фамилии. Кроме того, в старых памятниках встречаются *chała, chalić* т.е. другие замены слов *chwała* и *chwalić* с утерей *w*, а не *ch*; при этом, как указывает Брюкнер, они настолько часты в псалтыри и библии, что отпадает предположение об ошибках переписчика³. А вместе с тем отпадает и утверждение Лося, что в сочетании *chw* выпадало только перед следующим *o*⁴. Иными словами, польский язык в XIII-XV вв. стремился разнообразными способами обойти неприемлемое для него сочетание.

В украинском языке слово хвила имеет много значений: "волна" а также "время", некоторый его промежуток, чаще небольшой, иногда "минута". В некоторых диалектах х в и л я может означать "буря, порывы ветра" (Борзинский, Соснинский, Пирятский районы)⁵.

¹ См. J. Karłowicz, *Słownik gwar polskich*, t. 1, Kraków 1900.

² A. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 1926-1927, s. 38.

³ Там же под словом *chwała*.

⁴ J. Łoś, *Gramatyka polska*, cz. 1, Lwów 1922, s. 186.

⁵ См. Б. Гринченко, Словарь украинской мовы под словом "хвила" или "хорошая погода" (Гринченко, там же, и В. Гнатюк, Галицко-русские народные легенды, т. 1).

От того же корня имеется большое количество производных слов. Обращает на себя внимание факт, что "помимо некоторого промежутка времени", "минуты", значения, присущего также и польскому языку, в украинском языке слово "хвиля" чаще всего означает "волна-вода". Кроме украинского, оно не имеет этого значения ни в одном языке и, с другой стороны, в украинском языке нет иного слова для обозначения волны.

Интересны другие производные от того же корня: х в и л и н а - минута; х в и л ь о в и й - волнообразный и минутный, скоротечный; х в и л ю в а н н я - волнение; х в и л ю в а т и - волноваться, бежать волнами; "а в дочки слёзы хвилюють" - а у дочки слёзы дрожат в глазах⁶; х в и л ю в а т и с я - волноваться, бежать волнами; х в и л ю в а т и й - волнообразный, волнистый - в значении прямом и переносном - о смушке, о муаровом шёлке; х в и л я т и с я - качаться; в сложениях: х в и л я с т о г р и в и й - с волнистой или развевающейся гривой.

Как видно из приведённого ряда, производные от этого корня возникли в украинском языке, главным образом, от основного значения слова - волны-воды, т.е. от того значения, которое не только широко распространено, но и своеобразно используется в украинском языке. Например, у Шевченко⁷:

А із-за хвилі	Перед нами море миле
Сонце х в и л ю червонить,	Гомонить і клекотить.
Гамаліє! Вітер віє...	і сховалися за хвилі
Ось... ось... наше море!...	За живіі гори.

(*"Гамалія"*, 1842)

Или:

Х в и л я роздалася,
Закипіла, застогнала -
І обох покрила.

(*"Утоплена"*, 1841)

⁶ Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала "Кіевская Старина". Редактировалъ съ добавленіемъ собственныхъ матеріалловъ Б. Д. Гринченко Россійской Императорской Академіей Наукъ удостоень второй преміей Н. И. Костомарова, т. 1-15.

⁷ Поскольку мы рассматриваем происхождение и линии развития слов в украинском языке, мы опираемся, главным образом, на произведениях Шевченко Т. Г.

В последнем отрывке значение слова *х в и л я* "волна" расширяется до общего значения "вода". Вообще в поэзии Шевченко *х в и л я* - это та живая водная стихия, которая постоянно выступает в ярких действенных образах.

Указанная линия развития ясно проявляется в украинском языке в истории слова *х в и л я*. От исторически наиболее глубокого значения его корня *води-волны* отдифференцировались значения *б у р и*, *х о р о ш е й п о г о д ы*, *в о л н и с т о с т и* (напр. о смушке), *к а ч а н и я* (хвилятися) и, наконец, времени. Слова с каждым из этих значений корня с точки зрения современного живого общественного понимания и употребления заняли своё самостоятельное место в основном словарном фонде украинского языка и дали начало своим лексическим группам.

В польском языке от рассматриваемого корня сохранилась только одна малочисленная лексическая группа с лексическим центром в виде входящего в основной словарный фонд слова *с h w i l a* с более поздним по происхождению значением *в р е м е н и*. Привлекает к себе внимание один любопытный факт польского языка. Польское слово *walna*, соответствующее фонетически русскому *в о л н а* и украинскому *в о в н а*, утратило в XVI в. одно из своих значений - "волны-воды", продолжая означать, подобно украинскому "вовна", только шерсть. В значении же "волна" стало употребляться не известное другим славянским языкам *fala*. Происхождение этого слова совершенно неясно. Его этимологию пытается дать Брюкнер (в этимологическом словаре Бернекера его совсем нет). Брюкнер утверждает⁸, что слово *fala* представляет собой заимствованное немецкое *welle* "волна", и при этом присовокупляет: "впрочем мы не заменяем немецкого *w* на *f*. Почему же произошла такая необычная и невероятная замена, Брюкнер не объясняет.

Эта предлагаемая польским лингвистом замена, да ещё в XVI в., неправдоподобна, и видеть в польском слове *fala* немецкое заимствование нет никаких оснований. Если же мы отбросим вышеуказанное предположение Брюкнера, оставив слово *fala* без традиционной этимологии, то само собой напрашивается сопоставление

⁸ Б р ю к н е р, *op. cit.*, - под словом: *fala*.

его с украинским словом *х в и л я* - "волна", которое в польском языке должно было принять вид *fala*, настойчиво напрашивается предположение, что, позаимствовав из украинского языка то значение старого славянского *х в и л я*, которое сохранилось только у украинцев (волна-вода), польский язык освоил его, отдифференцировав от *fala* путём перегласовки корня *fala*.

Интересно, что в польском языке слово *fala* - "волна" - имеет также значения "ливень, дождь с градом и ветром, буря"⁹, т.е. те самые значения, которые в диалектах украинского языка имеет слово *х в и л я*. Едва ли это случайное совпадение; слишком оно разительно.

Когда польский язык начал осваивать сочетание *chw* в ряде своих слов, *fala* не попала в этот ряд, поскольку при этом процессе шла ориентация на другие славянские языки - чешский и восточнославянские, а слова *fala* в них нет; это делает основание думать, что польский язык, видоизменив *fala* в *chwila* сохранил *fala*.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что слово *х в и л я*, *х в и л ь* живёт во всех восточных и некоторых западных славянских языках и имеет любопытный ряд лексических групп, очевидно, возникший на основе наиболее древнего значения данного корня, т.е. "вода-волна". Рассмотренный материал не оставляет сомнений в самобытности данного слова в славянских языках. Нет никаких оснований считать слово *х в и л я* полонизмом украинского языка.

Украинскому *к о х а т и* - "любить друг друга" и семантически и морфологически соответствуют польские *kochać, kochać się*. Корень этого глагола встречается в славянских языках и в именных образованиях, например, русск.: роскошь (откуда - роскошествовать), роскошный; укр.: *р о з к і ш* и *р о з к о ш і* (мн. ч.) - "обилие, достаток, роскошь", *р о з к і ш н и й* - "роскошный" и "изобильный, богатый"; сербск.: *р а с к о ш* - "радость"; польск.: *г о з к о с з* - "наслаждение".

Бернекер¹⁰ предполагает, что в украинский язык глагол *к о*

⁹ *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958, под словом "fala".

¹⁰ *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1908, pod słowem "kochaję, kochati".

х а т и проник из польского. Брикнер объявляет в своём этимологическом словаре глагол *к о х а ć* исключительно польским и чешским, не считая нужным даже упоминать об украинском *к о х а т и* и белорусском *к а х а ц ь*.

В украинском языке глагол *к о х а т и* помимо значения "любить" имеет ещё ряд значений: лелеять, воспитывать, выращивать - детей, животных, растения; *к о х а т и с и н а* значит "воспитывать". Глагол этот встречается у Шевченко во всех указанных значениях.

Приведу примеры употребления данного глагола в значении "воспитывать" и "выращивать":

Одна-одна, як сирота

На чужині, гине!

Хто ж в и к о х а в тонку, гнучку, (выростил)

В степу погибати?

("Тополя", 1839)

Или:

Квіти мої, діти!

Нащо вас к о х а в я, нащо доглядав? (ростил)

Думи мої; думи мої,

Квіти мої, діти!

Виростав вас, доглядав вас (ростил) -

Де ж мен вас діти?

("Думи мої, думи мої", 1839)

Или:

Лихо, діти!

Лихо мені з вами!

В и к о х а в вас, вигодував,

Виросли чималі,

Йдете в люди...

("Гайдамаки", 1841)

К о х а т и с я, кроме значения "любить, любить друг друга", имеет значение "воспитываться, выращиваться, радоваться, утешаться".
У Шевченко:

Біле личко червоніє
 Не довго, дівчата!
 До полудня - та й завяне,
 Брови полиняють...
 Кохайтеся ж, любітеся,
 Як серденько знає

(“Тополя”)

Или:

Мов яблучко у садочку,
 К о х а л а с ь дитина (воспитывалась).

(“Княжна”, 1847)

Или:

З собаками, мій синочку,
 К о х а й с я на дворі!

(“Катерина”, 1838)

Или:

Кохалася мати сином
 Як квіткою в гаї,
 К о х а л а с я...

(“Сова”, 1844)

Мы привели большое количество примеров с целью выявить в достаточной мере распространённость глагола *кохати* (ся) в вышеуказанных значениях. В тех же значениях он употребляется в современном разговорном украинском языке.

Отметим, что глагольные образования с приставкой *ви-* имеют в украинском языке значения исключительно порядка вырастить, воспитать, взлелеять, а не любить (*викохати*, *викохувати*, *викохуватися*, *викохатися*).

От глагола *кохати* украинский язык образует много производных, например:

коханій - вырожденный, взлелеянный;

коханій - милый, любимый;

кохання - любовь и воспитание (детей, животных, растений);

к о х а н к а - возлюбленная, взлелеянная, воспитания в роскоши;

к о х а с т и й - (о растении) - хорошо выращенный и любовный.

Таким образом, в основном словарном фонде украинского языка от корня кох- образовались два самостоятельных лексических значения: "воспитывать, выращивать" и "любить", от которых в его словарном составе возникли особые лексические группы.

В польском языке глагол *kochać* со своими производными образует только одну лексическую группу со значениями порядка любить: *kochany* - "милый, любимый", *kochanek* - "возлюбленный", *kochanka* - "возлюбленная", *kochanie się* - "любовь", *kochliwy* - "влюбчивый" и др.

В старопольском языке возвратный глагол *kochać się* употреблялся также в значениях "радоваться, утешаться", т.е. в тех же значениях, в которых он существовал и в старочешском языке. Эти его значения знал Рей, и достаточная их распространённость не подлежит сомнению.

Кроме того, Линде¹¹ указывает для глагола *kochać się* устарелое значение "водиться" в применении к растениям. Он приводит пример: "*Oliwki kochają się na miejscach piaszczystych*" - "Оливки водятся на песчаных местах". Этот пример механически был перенесён с тем же значком у с т а р е л о в некоторые другие словари; даже восьмитомный *Słownik warszawski (1900-1927)* не смог ничего к нему прибавить.

При всём этом напомним, что в украинском языке приставка ви-, соответствующая польскому *wy-* придаёт слову *к о х а т и* исключительно значение "выращивать, воспитывать", при широком употреблении того же глагола без приставки в том же значении.

Сопоставление польского и украинского словарного материала приводит к любопытным выводам.

В украинском языке совершенно чётко выступает двойное значение глагола *к о х а т и*: любить и выращивать - детей, животных, растения. Оба значения наличны и в языке Шевченко, и в современной живой речи, и во всех словарях. В последнем значении этот глагол живёт и в диалектах русского языка.

В польском языке без приставки глагол *kochać* имеет исключи-

¹¹ S. B. L i n d e, *Słownik języka polskiego*, t. 1-6, Lwów 1807-1814.

тельно значение "любить". С приставкой, главным образом, *wy-* он имел также роль этих производных глаголов в составе польского языка ничтожна, и самобытность их весьма сомнительна.

Из всех значений рассматриваемого глагола наиболее архаичным является хорошо засвидетельствованное в украинском языке "выращивать животных и растения". На этой основе получается значительно более правдоподобный ряд, уясняющий связь между *к а с а т ь с я* "совершать трудовое действие", *к о с а* и *к о х а т и* с его последовательно отчленивающимися значениями. Материал украинского языка даёт возможность чётко установить эту последовательность.

Польский же язык не даёт возможности наметить с достаточной степенью вероятности прямую преемственность от более архаичного значения "работать" к более новому "любить" для корня *kos//koh*.

Интересно, что и существительное *rozkosz* (со своими производными) имеет в польском языке, главным образом, более позднее значение - "страстное наслаждение, упоение"¹².

В украинском языке *р о з к і ш* (со своими производными) имеет в первую очередь значение материального обилия, достатка и при этом часто без оттенка пышности, великолепия, который слово *р о с к о ш ь* имеет в русском языке. Например, "Розкішна (богатая, изобильная) сторона лежала пожарищем"; или: "... по своїх розкошах пароньки шукає..."¹³ - "по своим богаткам ищет себе пару".

У Шевченко:

... Росте Марко,
І дїйна корова
У р о з к о ш і купається.

("Наймичка" 1845)

то есть, пользуется всяким изобилием дойная корова, нужная для того, чтобы вырастить маленького Марка.

Словарь Гринченко указывает для *р о з к і ш* также значение "наслаждение, удовольствие, прелесть", очевидно, более позднего происхождения.

¹² Там же, pod słowem "rozkosz".

¹³ Г р и н ч е н к о, *op. cit.*, под словами: розкіш и розкішний.

Сопоставление украинского ряда значений слова *кохати* и польского *kochać* не даёт права рассматривать слово *кохати* как полонизм в украинском языке. Прочно сохраняющееся в украинском языке значение этого глагола - "выращивать животных и растения" свидетельствует о его глубоких корнях в истории украинского языка.

Во всех славянских языках, в том числе и в польском, в значении "любить" широко и, очевидно, от глубоких исторических эпох распространены глаголы, соответствующие русским *любить* и *миловать*; *милость* и теперь в родственных языках часто обозначает "любовь" (ср. польское *miłość*, сербское *милост*). Есть достаточно данных считать, что *кохати* приобрело это значение вторичным путём в более позднюю эпоху. В польском языке оно доныне имеет синонимы *lubić*, *miłować* отифференцировавшись от них оттенком значения.

Можно ли из всего вышесказанного сделать вывод, что в польском языке слово *kochać* - "любить" не самобытно, что оно заимствовано из украинского? Не беру на себя смелость утверждать это.

Во всяком случае наличие собственных корней рассматриваемого слова в украинском языке не подлежит сомнению.

Слово *мова* (русск. молва) в значении "речь", по мнению Брюкнера, имеется только у поляков и у чехов - у последних в оформлении *mluv, mluva*. Украинская *мова* со всем богатством производных слов сброшена Брюкнером со счёта¹⁴. Это должно означать, согласно обычному приёму Брюкнера, что украинский язык принял его от поляков.

Однако для действительно научного выяснения происхождения слова украинского языка, как одного из восточнославянских языков, имеет значение вопрос, каким образом в нём возникло данное слово, особенно ввиду его подчёркнутого социального значения и широкого распространения.

Слово *мова* в значениях "речь" и "язык" и со всем длинным рядом производных от того же корня слов обычно в украинском языке, например, у Шевченко читаем:

¹⁴ Брюкнер, *op. cit.*, под словом: *мова*.

... Прийми мою мову,
 Немудру та щирю. Прийми, привітай!
 ("На в чну память Котляревському",
 1838)

Или:

... І всі мови (язьки)
 Славянського люду -
 Всі знаєте...
 ("До мертвих і живих і
 ненароджених земляків
 моїх", 1845)

В современном украинском языке **м о в а**, как и все другие слова того же корня, живут полной жизнью.

Украинское слово в звук совпадает с польским, которое также обозначает "речь", но дифференцировано семантически от слова *język* "язык": *język polski* и *mowa polska* на равнозначны.

В украинском языке данное слово, так же, как и все производные того же корня, встречается с утерей **л**, то есть в виде **м о в а**, а не **м о л в а**, и при этом на всём протяжении того отрезка времени, о котором мы имеем сведения; но письменных памятников глубокого прошлого в нашем распоряжении нет.

В польских памятниках XII-XV вв. корень *moŭ* - ещё не вполне утратил **ł**; в псалтырях часты *moŭa*, *moŭić* и тд.; но параллельно встречаем и *mowa*, *mówić*.

Известно, что слоговые сонанты оставили своеобразные заместители в тех славянских языках, из которых они исчезли. Своеобразно это особенно сказалось в польском языке, в котором они видоизменялись различно в зависимости от того или иного фонетического окружения. И так, основания для изменения корня **молв-** в **мов-**, которых нет в польском языке, вскрываются при анализе украинского языка и при этом в совершенно чётком виде: в украинском языке корень **мов-** должен был закономерно являться в большинстве образованных от него слов; а вместе с тем становится понятно, откуда он попал в остальные слова.

Польское слово *niewowle* - "младенец" получено польским языком из украинского в полном своём согласном составе, т.е. не только с утерей **І** предшествующего **w**, но и с сохранением следующего за

и украинского і, которого при польском развитии фонетического состава этого слова не должно было бы быть (ср. польск. ziemia - "земля" и др.). Ничего другого, кроме немовля, мовний и тд., не могло получиться в украинском языке, в то время, как в польском, наоборот, не могли получиться такие оформления.

Утверждения относительно польского происхождения украинского слова м о в а в значении "речь", польского оформления корня в слове р о з м о в л я т и - "разговаривать" и других производных того же корня несостоятельны. И, наоборот, мы можем с полным правом утверждать, что слова пришли в Польшу с Украины.

Украинское существительное к в і т к а, к в і т, ц в і т имеют параллели в польском языке: k w i a t e k, kwiat "цветок". Глаголы того же корня также оформляются двояко в украинском языке: к в і т н у т и, к в і т у в а т и (последнее о хлебе на корню), ц в і с т и, ц в і с т и с я - "цвести". В польском языке обычно литературное kwitnąć при диалектном kwisć устарелом в литературном языке.

Бернекер в своём этимологическом словаре указывает, согласно общепринятому мнению, что сочетание цв- в рассматриваемом корне присуще восточным и южным славянским языкам, в которых оно получилось из kv перед гласным переднего ряда определённого происхождения; в западнославянских языках сочетание kv сохранилось без изменения; из польского попало в украинский в виде к в і т и в белорусский в виде к в е т; из белорусского проникло в русские диалекты - олонечские, тульские, воронежские.

К в і т даёт в украинском языке большое количество производных слов, характер которых свидетельствует о самобытном языковом творчестве: к в і т к а - "цветок", к в і т ч а т и - "убирать цветами" и "украшать", к в і т ч а н н я - "убирание цветами", к в і т ч а с т и й - "усеянный цветами" и "разноцветный" и др..

В языке Шевченко ц в і т, к в і т, к в і т к а равноправны и употребляются одинаково часто. Они одинаково дают материал для излюбленных им образов. Девушка - розовый цветок, дитя - цветочек, поэтические думы-стихи - выращенные поэтом цветы, - все эти метафоры выступают в творчестве Шевченко ярко и живо:

Таке-то

Скоїлось на світі

Мої любі дівчаточка,
Рожеві квіти

("Невольник")

Или:

"Доно моя, доно моя,
Цвіте мій рожевий.
Як ягідку, як пташечку,
Кохала, ростила
На лишенько...

("Катерина")

Единственное образование от корня *к в і т*, которое вызывает сомнение в его исконности в украинском языке, это глагол *к в і т н у т и* в значении "цвести".

Глаголы II класса, то есть с суффиксом *-па-* (*-пи-*) в инфинитиве от этого корня типичны для западнославянских языков, и подозрение усиливается тем обстоятельством, что Шевченко обычно употребляет в этом значении глагол *ц в і с т и* с приставками и без приставок: *ц в і т е*, *п р о ц в і т а є*, *р о з ц в і т а л а*, *з а ц в і л а* и т.д. В "Кобзаре" нет ни одного случая использования глагола *к в і т н у т и*.

В нашу задачу не входит выяснение вопроса, каким образом возникла широко распространённая в русских диалектах форма "тветы". По всем вероятностям, мы имеем здесь дело с вторичным происхождением начального *т-*; но вопрос требует специального рассмотрения.

Тщательный анализ четырёх слов - *х в и л я*, *к о х а т и*, *м о в а*, *к в і т* привёл к неожиданным с точки зрения традиционного лингвистического понимания результатам. А вместе с тем, после того, как была выявлена произвольность и ненаучность практиковавшегося доньше подхода к украинскому языку, заставлявшего видеть в каждой украинско-польской встрече слов, не находящей параллели в русском литературном языке, полонизм украинской речи, - целый ряд слов может быть освобождён от подозрения без детального анализа, так как неосновательность отнесения их к заимствованиям из польского языка делается ясной, как только мы подойдём к ним без предвзятой точки зрения.

Конечно, кроме них, остаётся значительное количество слов, которые требуют самого внимательного и подробного рассмотрения. Явно говорят о польском влиянии, например украинские слова *обіцяти* - "обещать", *праця* - "работа", *дзвін* - "звон" и "колокол" и некоторые другие. Возможно, что в украинский язык попало из польского слово *цікавий* с рядом значений, из которых наиболее употребительные "любопытный" и "интересный"; это украинское слово имеет в польском языке параллель - *siekały* с теми же основными значениями.

Рассмотренный нами небольшой словарный материал свидетельствует о насущной необходимости подвергнуть тщательному пересмотру весь арсенал "заимствованных" слов и проследить их линии развития.

Высшая педагогическая школа
Ополе

Danuta Budniak

UKRAIŃSKO-POLSKIE LINIE ROZWOJU WYRAZÓW ZAPOŻYCZONYCH

Autorka rozpatruje problem rozwoju wyrazów zapożyczonych w historii języka w ramach porównania leksyki ukraińsko-polskiej. Dokładnej analizie zostały poddane wyrazy: *chwila*, *kochać*, *mowa* i *kwiat*.

Rozpatrzone z punktu widzenia lingwistycznego niewielki materiał dał zupełnie nieoczekiwane wyniki świadczące o tym, że wiele wyrazów z zakresu paraleli ukraińsko-polskich uważanych dotąd za zapożyczenia z języka polskiego nie znajdują potwierdzenia statusu zapożyczeń.